

Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы

Международная научная конференция

**IV Хоревские чтения.
Национальная картина мира в литературах
Центральной и Юго-Восточной Европы.
К 90-летию В.А. Хорева**

21–22, 24 февраля 2022 г.,
Москва, Институт славяноведения РАН

Тезисы докладов

И.Е. Адельгейм (Москва, Институт славяноведения РАН)

«Когда я слышу имена Костюшко, Мицкевича, Шопена...» Механизмы сопротивления национальному этосу в молодой польской прозе 2000-2020 гг.

Речь идет о представителях младших поколений, главным историческим опытом которых стала стремительно пройденная граница между двумя общественно-политическими системами и – парадоксальным образом травмирующая – нехватка личного опыта романтического дискурса в реальном действии. Важнейшей психологической потребностью и художественной задачей этой прозы оказывается сопротивление национальному этосу, воспринимаемому как навязанная традицией и властью голая риторика.

Н.Е. Ананьева (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

Стереотип поляка в русской художественной литературе XIX-XXI вв.

Стереотип – это образ, имеющий определенные, распространенные в данном социуме коннотации. Стереотипное представление о репрезентантах того или иного этноса является неотъемлемым компонентом картины мира, как правило, контактирующего с этим этносом народа. Это относится и к образу типичного поляка в русской картине мира (прекрасная, очаровывающая мужской пол, но подчас и коварная полька, гордый пан и др.), отраженной в русской художественной литературе. Будучи одновременно и отражением стереотипов, закрепленных в языковой картине мира русского социума, и индивидуально-

авторским созданием (т.е. созданием вторичной – художественной реальности), произведения художественной литературы не только способствуют распространению существующих в общественном сознании стереотипных представлений (в данном случае о поляках), но и формируют свои, присущие художественной реальности стереотипы. В системе стереотипов художественной литературы есть стабильная и изменяющаяся части. Динамика стереотипного представления о поляках в художественной литературе обусловлена как хронологией, так и жанром произведения. Так, для литературы XIX в. стереотипами поляков являлись вороватый управляющий (А.П. Чехов и др.), шулер (Ф.М. Достоевский и др.), бесхозяйственный, но гордый пан-помещик (ср. Гологордовский у Ф.В. Булгарина в «Иване Ивановиче Выжигине»), участник национально-освободительного движения (Мигурский у Л.Н. Толстого в «За что?»), поляки в диалогии В.В. Крестовского «Кровавый пух»; при этом писатели в зависимости от своего мировоззрения по-разному характеризуют этих борцов за решение «польской sprawy»: сочувствующая полякам позиция Толстого и неприятие польских интриганов Крестовским) и псевдопатриот, пытающийся извлечь собственную выгоду из интересующих отдельных представителей российского общества «польской sprawy» (граф и патер, обобравшие Аглаю Епанчину в «Идиоте» Ф.М. Достоевского, Жуквич, вытянувший деньги якобы для польских парижских эмигрантов у полупольки Елены Жиглинской в романе А.Ф. Писемского «В водовороте»). В произведениях, описывающих события 20-30-х гг. XX в., появляется новый негативно маркированный стереотип – пилсудчик (Н.А. Островский, «Рожденные бурей»; И.Г. Эренбург, «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца»; В.П. Беляев, «Старая крепость»). Изменилось по сравнению с XIX в. и содержание понятия «польская справа», которое у писателей демократической ориентации относится к событиям 1939 г. и Варшавскому восстанию (В.П. Аксенов, «Московская сага» и «Ожог»; Д.Л. Быков, «Июнь»). При этом стереотипные образы поляков сохраняются в современной исторической прозе (у Бориса Акунина, например, в «Седмнице Трехглазого» или в романе для юношества В.Л. Вахмана «Проделки морского беса»). Стабильным стереотипом, сохраняющимся в русской литературе XX-XXI вв., является, в частности, образ прекрасной / кокетливо-эротической польки (ср. такую двойственность в повести В.О. Богомолова «Зося», представленную оппозицией скромная католичка Зося – чувственная и легкомысленная Ванда). Нередко польская прелестница наделяется отрицательными моральными качествами (ср. любовницу офицера Мусенка в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты»).

Наличие стереотипов поляков в русской художественной литературе вовсе не означает, что все персонажи польского происхождения этого гипертекста имеют

общепринятые или распространенные коннотации, которые формируют стереотип. Среди языковых средств, характеризующих и стереотипные, и нестереотипные образы поляков, выделяются интертекстуальные элементы (присущие большинству произведений русской литературы) и индивидуально-авторские полонизмы. Состав и количество полонизмов зависит от степени знакомства автора с польским идиомом.

Е.В. Байдалова (Москва, Институт славяноведения РАН)

Национальный вопрос в романах В.К. Винниченко 1910-х гг.

Национальный вопрос, занимавший в политической деятельности Владимира Винниченко одно из центральных мест, безусловно, нашел отражение и в его художественном творчестве. Еще до создания романов 1910-х гг. данный вопрос нередко освещался писателем в ироническом ключе. Принципиальной позицией Винниченко была оппозиционность по отношению к предыдущему, «старшему» поколению писателей не только в художественной форме произведений, но и в их идейно-тематическом наполнении и, естественно, в национальном вопросе. В дилогии «К своим!» (1913) – «Божки» (1914) вопросы национальной украинской жизни играют значительную роль, в романе «Хочу!» (1915) – практически центральную, сюжетообразующую. При этом Винниченко видит сложность решения национального вопроса, показывает представителей «украинского возрождения» неоднозначно, простые, прямолинейные решения зачастую изображает в ироническом дискурсе.

Г. Борковская (Варшава, Институт литературных исследований ПАН)

Без глобальных вопросов: локальность («Перевоз» Анджея Стасюка)

Доклад будет посвящен, в первую очередь, новому роману одного из крупнейших польских прозаиков конца XX – начала XXI в. Анджея Стасюка «Перевоз» (2021) и перспективе локальности. Как как выглядит мир с локальной точки зрения? Это вид «снизу» или «сбоку»? Как выглядит с этой перспективы война? Можно ли жить, не задавая глобальных вопросов – о родине, нации, идентичности?

М. Бродацкая-Двоjak (Краков, Ягеллонский университет)

Возвращение Центральной Европы в произведениях Ольги Токарчук и Радки Денемарковой

Доклад посвящен проблеме возвращения идеи Центральной Европы в прозе Ольги Токарчук («Правек и другие времена», «Дом дневной, дом ночной», «Книги Якова») и Радки Денемарковой (центральноевропейская трилогия: «Кто стучит там, раз-два-три?»),

«Деньги от Гитлера», «Коболд» и последний роман «Часы из свинца»). Это возвращение имеет несколько измерений: (1) геополитическое, связанное с многочисленными европейскими кризисами (миграционным, демографическим, идентичности); (2) культурное – страны Центральной Европы, включая Польшу и Чехию, перестают подражать Западу (Рене Жирар); (3) языковое – о котором свидетельствует проект «Ех-centrum», осуществленный Фондом Ольги Токарчук, – понимаемое как отход от ряда «центральных» понятий и терминов, с тем, чтобы заново осмыслить, а затем описать свое место в широко понимаемой европейской культуре. В докладе используется компаративистская перспектива, с учетом польского и чешского исторического контекста; общественно-политические понятия почерпнуты из публикаций Ивана Крыстева и Марси Шор.

П.Д. Гаврилова (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

Мать как центр в национальной картине мира на примере романов Петре М. Андреевского «Пырей», «Небеска Тимьяновна» и «Туннель»

Петре М. Андреевский – один из тех художников XX в., в чьем творчестве сочетаются интеллектуализм европейского типа и архаические фольклорно-мифологические традиции. Он объединяет их в образе матери, которая, как считал Андреевский, является центром всех традиций и обычаев и имеет право передавать знания о жизни из поколения в поколение. Эта специфика, присущая Андреевскому как писателю, отражающему балканскую модель мира, проявляется в его новеллистике и романах, оказывая большое влияние на выбор сюжетов и мотивов, трактовку персонажей, богатство стиля.

Андреевский своим творчеством обогатил представление о балканской, южнославянской модели мира, в которой, по словам Т.В. Цивьян, «концепт человека приобретает особую окраску и особый вес». Андреевский внес большой вклад в развитие выразительных возможностей македонского языка, показал сложный и захватывающий мир своей родины через мировосприятие главных героинь, которые видели свой смысл жизни и силу в материнстве. Особенно это ощутимо в его романах «Пырей» (1980), «Небеска Тимьяновна» (1988) и «Туннель» (2003).

Эти тексты дают обширный материал для раскрытия темы «мать как центр бытия», в которой сосредоточены два мира: реальный, отображающий важные события истории народа, особенности его быта, и фольклорный – полный традиций, поверий, тайн, загадок, обрядов и волшебства. Вместе они составили македонскую картину мира и дали возможность воплотить во всей полноте национальные жизненные (женские) типы.

И.А. Герчикова (Москва, Институт славяноведения РАН)

«Кто, покинув Отчизну, сможет убежать от себя?» Чешские писатели в / о эмиграции.

Эмиграция чешских деятелей культуры – от «отца педагогики» Я.А. Коменского (1627) до самых серьезных эмиграционных волн XX в. (1939, 1948, 1968).

– судьбы И. Блатного, Э. Гостовского, П. Тигрида, Ф. Пероутки, Э. Когака, П. Когоута, Й. Шкворецкого и др.;

– кем они были, «те другие, обреченные на одиночество» – «предателями, отщепенцами», спасителями культуры?

– самоопределение чешских писателей, их роли и миссии;

– эволюция М. Кундеры: от стихотворения «Рождественское признание» (1953), манифеста сталинизма, до романа «Неведение», вышедшего на чешском в 2021 г. и ставшего «книгой года» в Чехии.

П. Глушковский (Варшавский университет)

«Буревестник» и «ученый из Сокулки». Взаимоотношения Максима Горького и Александра Богданова.

В 1907–1910 гг. на творчество, мировоззрение и деятельность Максима Горького очень сильно повлиял Александр Богданов (философ, марксист, литератор). Доклад будет основан на их переписке (более 100 писем) и произведениях Горького («Исповедь», «Жизнь Клим Самгина»). Они совместно организовали «Первую высшую социал-демократическую пропагандистско-агитаторскую школу для рабочих», которая открылась в 1909 г., несмотря на протесты части большевиков. В споре Богданова с Лениным Горький принял сторону второго, лучшим доказательством чему является его статья «Разрушение личности». Особое внимание будет уделено польским темам переписки Горького и Богданова: революционерам (Ф. Дзержинский) и писателям (С. Бжозовский).

И. Граля (Варшавский университет)

Сарматы и роксоланы: к вопросу об этногенетическом мифе русской шляхты Речи Посполитой (XVI–XVII вв.)

Изучение широкого круга источников (памятники литературы, документация сеймов и сеймиков, частная переписка) позволяет выдвинуть тезис, что представители «русского народа» Речи Посполитой, с одной стороны, упоминали древность и заслуги

своей нации (например, речь кн. Константина Вышневецкого на Люблинском сейме 1569 г.), с другой, последовательно акцентировали древность своих связей с Польской Коронай, подчеркивая при этом их мирный характер, обоснованный выбором предков – русских сарматов (*Sarmati Rossi*), которые добровольно объединились с сарматами польскими (*ad Sarmatos Polonos libere accesserunt*). В более поздних памятниках встречается также идентификация с «русскими сарматами» мнимых предков Руси – античных роксоланов. Русское дворянство отнюдь не страдало «ляцким» комплексом, с гордостью представляя свои родословные и гербовые легенды, подкрепленные местной традицией и авторитетом русских летописей.

Представляется, что в целях изучения самого механизма «сарматской конвергенции» внимания заслуживает сравнение опыта русского и прусского дворянства Речи Посполитой – двух групп, отличающихся от польской шляхты этническим происхождением и конфессиональной принадлежностью: и те, и другие должны были найти способ адаптации собственных исторических традиций к преобладающему в польской шляхетской культуре сарматскому мифу. В случае Пруссии интересна популярность гипотезы о том, что древние прусские племена ведут свое начало от сарматов – венедов, даков и аланов, которые пришли на берега Балтики, где смешались с готами: это позволило найти для прусов почетное место в сарматском мире.

А.В. Грасько (Москва, Институт славяноведения РАН)

Отражение чешской картины мира эпохи 1930-х гг. в зеркале советской действительности (на примере романов Иржи Вайля «Москва-граница», «Деревянная ложка»)

В чешской литературе XIX-XX вв. существует целый ряд художественных и публицистических произведений, посвященных России. Однако эти тексты чаще всего свидетельствуют не только о России, русской жизни. Соприкосновение с русской реальностью, которая всегда была чужой, Другой для чешских авторов, выявляло собственно чешскую картину мира, чешские национальные, бытовые, культурные особенности, ментальные границы, значимые оценочные парадигмы. Так, например, отражение особой чешской картины мира эпохи 1930-х гг. присутствует в романах Иржи Вайля «Москва-граница» (1937) и «Деревянная ложка» (1938). Основным объектом изображения в них является советская действительность, однако видится она сквозь восприятие чешских героев, их судьбу.

Ю.П. Гусев (Москва, Институт славяноведения РАН)

Избранный народ vs «венгерское проклятие»

Как все народы, народности, нации, племена и т.д., венгры убеждены в том, что они – особая, «избранная» (не обязательно Богом; чаще – судьбой) нация. И подтверждения этому ищут как в своей истории, так и в современной жизни.

В то же время венгры, тоже как многие (не все) другие, убеждены в том, что на них лежит печать некоего иррационального «проклятия». И тоже ищут (и успешно находят) тому подтверждения, на которые не скупится история. Иногда идеи избранничества и проклятия оказываются некоторым образом взаимосвязаны.

Все это наглядно проявляется в литературе. Я рассматриваю в этом плане поэзию Эндре Ади (1877–1919), роман Аладара Кунца «Черный монастырь» (1931) и некоторые другие произведения.

М. Домбровская (Варшавский университет)

Еще о литературоведческих проектах С.Б. Линде – мечты vs реальность

Доклад посвящен осуществленным и, прежде всего, неосуществленным проектам филолога, историка и библиотекаря Самуила Богумила Линде (1771–1847) в области истории славянских литератур с особым учетом польской и русской. Внимание уделяется этапам создания перевода на польский язык пособия Н. Греча по русской литературе и приложений к нему (Варшава 1823; первоначально первая часть многотомного пособия по славянским литературам) – опираясь на сведения, содержащиеся в предисловии Линде и, особенно, в его письмах В. Анастасевичу 1822–1830 гг., – а также «книжным путешествиям» польского ученого. В докладе предпринимается попытка верифицировать оценки исследователей старшего поколения, например, Ежи Михальского, считавшего польское издание труда Греча только переводом и игнорировавшего комментарии Линде. Такой подход возможен благодаря усилиям архивистов и публикации новых материалов.

И.А. Ермашова (Познань, Университет имени А. Мицкевича)

Национальный вопрос в польских переводах русской литературы (на примере литературы «нулевых»)

Доклад посвящен, главным образом, интересу польского издательского и переводческого мира к национальной картине России в контексте литературных «нулевых»: насколько, почему и как сместился фокус внимания от центра к периферии, от всего русского к другим этносам, представляющим многонациональную страну?

«Нулевые» особенно интересны для рассмотрения данной темы, так как явились своего рода краткой эпохой мирного сосуществования России с внешним миром, неким «рестартом», «обнулением», передышкой между периодами политического напряжения, моментом выхода России из изоляции и желания вписаться в западный контекст. Впрочем, интерес был взаимный: многие страны, в том числе Польша, испытывали потребность через литературу, которая тогда воспринималась как «документ», заново познакомиться со сложной многоукладной страной.

Н.В. Злыднева (Москва, Институт славяноведения РАН)

Парижский серб Влада Величкович и балканская модель мира.

В докладе рассматривается двойная идентичность художника В. Величковича (1935–2019). Серб по происхождению, он большую часть жизни жил и работал в Париже, снискав общеевропейское признание и славу одного из ведущих мастеров так называемой новой фигурыции (направления в изобразительном искусстве 1970–2010-х гг.). Перерабатывая наследие классического искусства в соответствии с поэтикой постмодернизма, Величкович, между тем, в своем творчестве обнаруживает верность балканской модели мира, которая проявилась, в числе прочего, в специфических образах телесности.

З. Казьмерчик (Гданьский университет)

Дуальная модель мира в сочинениях польских романтиков

В докладе предполагается представить – используя язык Юрия Лотмана и Бориса Успенского – роль дуальных моделей в изображении мира польскими романтиками. Анализируются тексты теологической инверсии, в которых господство над миром передано Злому Богу (Черному Богу славян). Автор исследует произведения, где мир является областью удельного Зла, рассматривает романтических героев как бинарных людей – между равноценными полюсами антагонистических сил. Часть доклада будет посвящена дуальной эсхатологической образности романтиков.

Д. Клеховский (Познань, Университет имени А. Мицкевича)

Сибирь: страна будущего. Этнографические экспедиции в бассейн Енисея 1911–15 гг. в литературной записи Фритъофа Нансена, Марии Антонины Чаплицкой и Вячеслава Шишкова

Доклад будет посвящен периоду накануне Первой мировой войны, до политических преобразований, когда динамичному экономическому развитию Сибири сопутствовал большой интерес ученых к различным исследованиям, в том числе этническим. Этнографические экспедиции порождали литературные тексты, сочетающие черты различных жанров: путевых дневников, научных отчетов репортерского характера, этнографических трудов. Они претендовали на определенный уровень художественности. Выбранные для исследования тексты – результат научных экспедиций в районы долины реки Енисей и Нижней Тунгуски. Анализ направлен на поиск сходств и различий в трех произведениях. Первое – «В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море» норвежского исследователя Арктики Фритьофа Нансена. Второе – «Мой год в Сибири» Марии Чаплицкой, первой женщины, преподававшей антропологию в Оксфорде, запись исследовательской экспедиции 1914–15 гг. Третье – материал из книги «Тайга» русского писателя Вячеслава Шишкова, написанной после его геологических экспедиций в 1911 г. Эти произведения рассматриваются в контексте сибирских стихов Милоша из сборника «Хроники», отсылающих к участию отца поэта в экспедиции Нансена. Я также буду говорить о современном тексте Анджея Дыбчака («Гугара»), спустя почти столетие отважившегося заглянуть в эти края. Целью доклада является сопоставление этнографических наблюдений перечисленных авторов и осмысление проблемы нового качества и иного, нежели в XIX в., взгляда на сибирскую действительность.

Е.Н. Ковтун (Москва, Институт славяноведения РАН)

Национальная и индивидуально-авторская картина мира в повествовании о посмертии (на материале российской, инославянской и зарубежной фантастики XX–XXI вв.)

Доклад основан на результатах исследования Мира Посмертия как особого вымышленного пространства, где, в соответствии с текстами произведений российских и зарубежных мастеров фэнтези прошлого и нынешнего столетий, обитает после смерти человеческая душа. В данном выступлении мы сосредоточимся на рассмотрении соотношения в различных версиях Мира Посмертия общеизвестных (традиционных, связанных с этническими, национальными и религиозными представлениями) и индивидуально-авторских мифологических моделей, покажем различия между вымышленными конструкциями, основанными на постулировании писателями объективной (Мир Посмертия как «иная реальность») и субъективной (Мир Посмертия как воля и представление персонажа) природы загробного бытия.

С.А. Кожина (Москва, Институт славяноведения РАН)

Национальные культурные коды в творчестве Д. Годровой и И. Кратохвила

В своем докладе мы сосредоточим внимание на репрезентации культурных кодов в произведениях Д. Годровой и И. Кратохвила. Речь пойдет, во-первых, о представленных в текстах символах с архетипической семантикой, в определенной степени характеризующих чешскую национальную идентичность (в первую очередь – о топосах с архетипической семантикой) и, во-вторых, о способах отображения в романах исторических фактов, оставивших глубокий след в чешском обществе (ключевых датах, событиях, именах и т.д.). Подход к данным аспектам у рассматриваемых авторов различен (для творчества Годровой характерна, например, бóльшая опора на архетипические символы и вызываемые ими ассоциации, для романов Кратохвила – нетривиальный взгляд на ключевые моменты истории Чехии), что позволит не только дать характеристику особенностям творчества данных конкретных авторов, но и сделать выводы о выстраивании нарратива в произведениях чешских постмодернистов в целом.

Зб. Конець (Познань, Университет имени А. Мицкевича)

«Наша „ссылная коммуна” переживала тяжелые времена» – верхоянские воспоминания политических узников

В конце XIX в. в Якутии находились, в частности, Якуб Бялый (Яков Моисеевич Белый), Саломон Лион (Саломон Лио) и Вацлав Серошевский (Вацлав Леопольдович Серошевский), оказавшиеся там в результате обвинений в нежелательной политической деятельности. Живя в чрезвычайно сложных климатических и материальных условиях, в окружении коренного населения, представляющего другую культуру, они были обречены на общество друг друга. То, что они являлись представителями разных наций и разной среды (а также исповедовали разную религию), имели разные взгляды на общественно-политические проблемы, в том числе, что немаловажно, на национальные вопросы, означало, что каждый из них верхоянскую действительность воспринимал по-своему и по-своему пытался к ней адаптироваться. Мемуары об изгнании, опубликованные Якубом Бялым, Саломоном Лионом и Вацлавом Серошевским, позволяют увидеть эти различия и осмыслить их истоки и следствия.

В.А. Корбут (Варшавский университет)

Картина «белорусского мира» в творчестве поэтов на страницах первых белорусскоязычных газет «Наша Доля» и «Наша Нива» в 1906–1907 гг.

Несмотря на то, что литературоведами и историками уже не раз рассматривалось творчество писателей, начинавших свой творческий путь в первых белорусскоязычных газетах «Наша Доля» и «Наша Нива», которые издавались с 1906 г. в Вильне, специального исследования формирования картины «белорусского мира», т.е. видения своей страны, обусловленного национальной идентичностью авторов, до сих пор нет.

Это заставляет более пристально рассмотреть под данным углом творчество белорусских писателей на заре издания данных газет – в годы первой русской революции (1906–1907 гг.). Это связано с тем, что на волне революции основное место в творчестве писателей, а точнее, в тех произведениях, которые публиковались (данные издания были единственными, где не только выходили сочинения на белорусском языке, но и возрастала белорусская литература и складывались творческие судьбы ее будущих классиков, признанных «классиками» благодаря именно этим публикациям в единственных белорусскоязычных органах печати), занимали вопросы социального характера, «доли» «мужика», его «нивы» – т.е. все, что находилось в центре жизни белорусскоязычного человека того времени – крестьянина, обрабатывавшего свою землю.

Национальные мотивы в 1906–1907 гг. звучат весьма редко и чаще встречаются в публицистике, в поэзии же практически не слышны за тем сильным социальным содержанием, которое пронизывает творчество данных авторов. Они отмечаются в обращении авторов не к «мужику», а к белорусу: у Якуба Коласа в стихотворении «Беларусам» («Наша Доля»), у Янука Купалы в стихотворении «Вучыся!» Считается, что Купала в 1907 г. написал ныне хрестоматийное стихотворение «Ворагам беларушчыны», в котором впервые в белорусской поэзии ставит вопрос о статусе белорусского языка как равного с польским и русским. Впрочем, даже в стихотворениях, где авторы обращаются к Белоруссии, белорусам, у них явственно прослеживается социальный контекст – как, например, у Алеся Гаруна в стихотворении «Маці-Беларусі», или у Баутрука – в стихотворении «Беларушчына».

По сути какие-либо чисто национальные, националистические, не связанные с жизнью деревни, трудом крестьянина, учебной крестьянских детей мотивы в творчестве белорусских писателей 1906–1907 гг. не прослеживаются. Поэты отображают реальность жизни белорусского крестьянина в деревне, сокрушаясь над ней, призывая к улучшению быта, учебе, но ни права белорусского языка в обществе, ни общественно-политический статус Белоруссии в поэзии того времени не звучат. Это контрастирует с публицистикой, в которой низкий общественный статус белорусского языка активно обсуждался.

П.В. Королькова (Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

Загреб, Вена, Париж в хорватской литературе первой половины XX в.: центр и периферия в национальной картине мира

В докладе на материале произведений хорватских писателей С.С. Краньчевича, М. Цихлара Нехаева, А.Г. Матоша, М. Крлежи и др. будут рассмотрены следующие вопросы:

– как в литературе первой половины XX в. концептуализируются центр и периферия национального и общеевропейского пространства;

– какие ключевые метафоры связаны с пространством «большого города» и каковы особенности возникающей в литературных произведениях оппозиции «реальный – воображаемый город»;

– как в отношении темы города реализуется основная метафора «здоровье – болезнь»;

– почему заявленная проблема становится актуальной именно в эпоху модернизма;

– можно ли говорить о влиянии других литератур (русской, французской, немецкой, инославянских) на развитие темы «большого города» у хорватских авторов.

Н.М. Куренная (Москва, Институт славяноведения РАН)

«Беларусь никогда не будет только белорусской, но и никогда она не будет только русской или польской...»

Отражение изменений в белорусской картине мира особенно интенсивно происходило в конце XX – начале XXI вв., что было связано с резкими поворотами в общественно-политической жизни Белоруссии, которые с неизбежностью сказались и на развитии (художественном, идеологическом, структурном) национальной культуры, в первую очередь – литературы.

В этот период наиболее актуальными, смыслообразующими мотивами творчества большинства белорусских литераторов были мотивы национальной идентичности и родного языка. Результатом глубокого погружения авторов в национальный исторический, социальный, культурный контекст нередко становилось рождение условно-художественного «автопортрета белоруса». Доклад будет посвящен анализу разнообразных авторских вариантов подобного автопортрета, его общих черт и различий в связи с категориями национального и мифологического.

Ю.А. Лыбынцев, Л.Л. Щавинская (Москва, Институт славяноведения РАН)

Литературное соиздание мира *Slavia Orientalis* в Австрийской империи: альманах «Зоря Галицкая яко альбумъ» (1850–1860-е гг.)

Культурное возрождение в самой западной части Восточной Славии, проявленное в начале прежде всего поисками многовековых традиционных основ, в значительной мере уже утраченных в образованном обществе, являлось и своеобразным масштабным восстановлением собственной национальной картины мира. В условиях государственного доминирования сугубо западных ориентаций религиозно-культурного развития в Австрийской империи инициаторам здешнего восточнославянского возрождения пришлось обращаться не только к богатейшей почти тысячелетней истории своих предков на этих землях, но и опыту восточных славян в Российской империи. Весьма показательным примером всего этого процесса может служить судьба объемного литературного альманаха «Зоря Галицкая яко альбумъ на годъ 1860», опубликованного во Львове в типографии знаменитого Ставропигийского института.

А. де Лазари (Лодзинский университет)

Я и Мы-народ, или Как поляки русифицируются

Когда 15 ноября 1989 г. Лех Валенса начал свое выступление перед Конгрессом США словами «Мы, народ» и переводчик передал их как «We the People» – словами, которыми открывается американская Конституция, – конгрессмены устроили овацию. Однако думали ли они о том же, что и Валенса? Разве «Мы, народ» председателя польской «Солидарности» с Матерью Божьей в лацкане пиджака – то же самое, что «We the People» американцев? Я постараюсь доказать, что речь шла о разных категориях и объясню разницу в восприятии индивидуализма и коллективизма либералами и правыми в Польше и России.

М.А. Ламм (Москва)

Формирование национальной картины мира в городской лирике Дануты Бичель

В конце 1980-х гг. в западно-белорусской литературе пробудился интерес к национальной истории, а также городским темам и сюжетам. Данута Бичель (Бічэль-Загнетава) (р. 1937) – белорусская поэтесса, классик национальной литературы. Тема города нехарактерна для ее раннего творчества, но появляется в сборниках с конца 1980-х гг. Чаще всего поэтесса обращается к Гродно – городу, в котором прошла большая часть ее жизни. Хотя в творчестве Бичель присутствуют и другие города, например Полоцк и

Вильнюс, именно личное, субъективное, индивидуальное восприятие Гродно в ее поэзии становится эстетическим образцом и первообразом.

В этом отношении пограничным можно назвать сборник «Прежде солнца», вышедший в свет в 1987 г. Поворот к городу нельзя назвать резким или категорическим – глубокая внутренняя цельность поэтики позволяет автору изображать городское пространство вне конфликта с деревней. Тема города возникает и развивается в творчестве поэтессы в условиях глобальных исторических перемен, по этой причине представляется обоснованным рассматривать тексты стихотворений в хронологическом порядке, тем более, что некоторые образы и персоналии являются сквозными, их изображение и восприятие изменяется с течением времени, одновременно с развитием национальной и региональной моделей мира.

А. Легежиньская (Познань, Университет имени А. Мицкевича)

Пересмотр геоистории в новой польской женской поэзии

В современной польской литературе наблюдается интерес молодых писателей к семейной генеалогии, описываемой иначе, чем в автобиографических произведениях более авторов старших поколений. Речь идет об опосредовании образа прошлого предков, воссозданного в поэтике постпамяти. Эта тенденция активно развивается в прозе, в то время как в поэзии реконструкции с точки зрения постпамяти встречаются реже. В докладе будут рассмотрены проблемы и отдельные примеры пересмотра с женской перспективы семейных мифов и национальных стереотипов, связанных с сосуществованием наций в приграничных районах: Польши и Беларуси, Польши и Украины, Польши и Германии. В своих произведениях поэты, родившиеся или выросшие на северо-восточных (Вармия, Мазуры, Полесье) и западных (Щецин, Вроцлав) территориях, с своих произведениях совершают путешествия – во времени и пространстве – по следам своих родителей, бабушек и дедушек, переселенных после Второй мировой войны с Восточных Кресов. Конфронтация прошлого и настоящего позволяет авторам обращаться к сложным вопросам травмы, вины, прощения, сочувствия, отчуждения. География и история являются здесь маркерами нового дискурса идентичности.

М.В. Лескинен (Москва, Институт славяноведения РАН)

**«Не имеет ли... воздух Малороссии... свойства, помогающего пищеварению?»:
«Пан Халявский» Г.Ф. Квитки-Основьяненко (1839) как автобиографический роман
(вос)питания**

В докладе будет проанализирована роль кода еды в русскоязычном романе «Пан Халявский» украинского писателя Квитки-Основьяненко. Написанный как воспоминания украинского мелкопоместного шляхтича, в литературоведческих исследованиях этот текст часто определяется как сатира на грубые нравы отсталых и невежественных провинциалов. Один из аргументов – мотивы обжорства и пищевого изобилия в «мемуарах» Халявского, детальное описание праздничных пиров, повседневных трапез, возлияний и пр., которое восходит к текстам Рабле и напоминает гоголевские ранние циклы 1830–1840-х гг. Анализ мотива еды, связанного с телесным кодом показывает, однако, что он важен прежде всего для создания идеализированной картины малороссийского прошлого. Она создается с помощью гастрономического мотива идиллии, который определяет образ социальной патриархальной утопии и структурным основанием которой оказываются оппозиция материальное/идеальное, физическое / духовное.

Н.А. Лунькова (Москва, Институт славяноведения РАН)

«Не забывать родной язык – значит ненавидеть болгарский?»: язык / бытие в творчестве мусульманских авторов в Болгарии 1980-х гг.

В настоящем докладе внимание будет уделено проблеме отношения к родному языку мусульманских авторов – жертв «Возродительного процесса» в Болгарии 1980-х гг. «Языковой вопрос» стал камнем преткновения во время принудительной ассимиляции нехристианского населения и нашел отражение как в прозе, так и поэзии анализируемых авторов. Искусственно изъятые из литературного процесса писатели-мусульмане сейчас остаются объектом внимания только узкого круга специалистов и не известны широкой общественности. Задача данного исследования – определить характерные аспекты проблемы родного языка и способы ее художественного воплощения в литературе болгарских мусульман 1980-х гг.

Л.А. Мальцев (Калининград, Балтийский федеральный университет имени И. Канта)

От национального к универсальному: Ежи Стемповский о комедии А. Фредро «Пан Иовяльский»

На примере эссе Ежи Стемповского «Пан Иовяльский и его наследники» (1929) предполагается показать динамику польской национальной картины мира от XIX к XX в. Размышляя о «перспективах шляхетского смеха», Стемповский констатирует, что «шляхетский смех» как устойчивый культурный феномен, существовавший на протяжении нескольких столетий, переживает кризис в XX в. и сменяется новыми разновидностями смеха. Этот объективный процесс демонстрируется самой логикой «неверного прочтения»

классической комедии «Пан Иовяльский». Отражая, как и другие комедии Фредро, сущность традиционной польской ментальности, «Пан Иовяльский» истолковывается Стемповским не столько в национально-специфическом, сколько в универсальном ключе. Парадоксально сопоставляя «Пана Иовяльского» с «Бурей» Шекспира или, например, с романом Гюисманса «Наоборот», а образ главного героя — с древнеримским императором Калигулой, Стемповский производит деконструкцию образа пана Иовяльского, усматривая в Иовяльском предшественника экзистенциального сознания, а саму комедию Фредро сближая с литературой абсурда.

О.Р. Медведева-Нату (Ванкувер, независимый исследователь)

«Остаться собой»: творчество польско-канадской поэтессы Гражины Замбжицкой

В докладе предполагается рассмотреть следующие проблемы:

- формирование молодого поэта в эмиграции;
- поэзия в изоляции: вне творческой среды (например, университетской славистической);
- польская поэзия на восточном и западном побережье Канады;
- изменение представления о своей стране при перемещении в другое культурно-языковое пространство;
- перемещение в Канаду из Польши или из Европы?
- Культурное пространство в эмигрантской поэзии: польское, канадское, европейское, глобальное?
- Роль английского языка, его структуры, ритма, английской поэтической традиции и повседневной речи в эмигрантской поэзии;
- роль переводов поэта с английского на польский и с польского на английский для развития собственного творчества;
- реакция на эмигрантскую поэзию в Польше. Реакция на так называемую этническую поэзию в стране эмиграции.

В.В. Мочалова (Москва, Институт славяноведения РАН)

Национальные картины мира Галиции в отражении Леопольда фон Захер-Мазоха

В докладе предполагается проанализировать интерес Леопольда фон Захер-Мазоха (1836–1895), принадлежавшего к той плеяде австрийских писателей, которые ввели в литературу на немецком языке тему народов Восточной Европы, Галиции, к лежащему в

основе этно-конфессиональных взаимоотношений конфликту (например, «Circe Goldfinger», 1881), контрасту, столкновениям на пограничье культур – и диалогу, компромиссу, иногда – контаминации национальных идей (например, венгерский патриотизм Деборы из рассказа «Die Deborah von Nagy Nemethy», 1881). Родившийся во Львове, Захер-Мазох был знаком с бытом и нравами населявших Галицию народностей, изучал их языки, сказания и обычаи (сб. «Galizische Geschichten», «Judengeschichten», 1878–1882, «Der Don Juan von Kolomea» и др.).

В цикле «Еврейских рассказов», где присутствует и доминирующая в творчестве Захер-Мазоха тема прекрасной властной женщины и слабого подавляемого ею мужчины (например, «Die Venus von Braniza», 1881), заметна и тенденция к сглаживанию углов, к желательному установлению гармоничных отношений, которые может обеспечить просвещение («Ein Aufgeklärter», 1881).

Ж. Налевайк-Турецкая (Варшавский университет)

Редифиниция позиции эмигранта по отношению к нации в польской литературе XIX, XX и XXI вв.

В польской литературе XIX в. отношение к эмиграции и программные постулаты относительно нации формировались в романтический период, после поражения Ноябрьского восстания, в ситуации утраты независимости и отсутствия надежды на ее скорое восстановление. Для авторов Второй Великой эмиграции, покинувших страну по политическим причинам после начала Второй мировой войны, а также представителей последующих волн, включая тех писателей, которые уехали в конце XX – начале XXI в. по причинам уже не политическим, а прежде всего экономическим, романтическая Великая эмиграция служила важной точкой отсчета как в историко-литературном, так и в эстетическом и общественно-политическом смысле. Она являлась не только позитивным ориентиром и ценным источником художественного и интеллектуального вдохновения, но и становилась – особенно в плане моделей поведения – объектом критики. Отрицалась, подвергалась критическому пересмотру, пародировалась. Одновременно и сама нация оценивалась со стороны, в изменившемся контексте, нередко в ситуации отсутствия контакта. Все вместе эти типы аллюзий определяли – порой парадоксальным образом – жизнеспособность эмигрантской традиции польского романтизма, которая, сопровождаемая напряженными дискуссиями, воздействовала на литературу XX и XXI вв. Сформировавшееся в первой половине XIX в. отношение эмигрантов к нации много раз пересматривалось, в том числе универсализировалось, уступало место индивидуальному опыту, чувству отчуждения или исключения из национального сообщества.

М. Павловский (Скопье, Университет Святых Кирилла и Мефодия)

Идентичность и травма: драматургия Горана Стефановского

В последние годы объектом исследований часто оказывается культурная травма, возникающая под воздействием определенных событий, которые резко меняют воспоминания и идентичность; процесс этот необратим и фундаментален. Если рассматривать творчество Горана Стефановского с такой точки зрения, вызов идентичности и национальному, традиции и современности в его произведениях очевиден, это касается как автора, так и действующих лиц его пьес. Это дает возможность исследовать чрезвычайно важные вопросы и отношение к идентичности: отношение Стефановского к македонцу и европейцу. Здесь следует уточнить термин «культурная травма». Нам представляется важным определение, которое дает культурной травме Айерман («дискурсивная реакция на распад социальной структуры в период, когда основы коллективной идентичности оказываются поколеблены травматическими явлениями, требующими коррекции "большого нарратива"¹. Травма как следствие глубоких внутренних изменений, т. е. вызываемые ею эмоции (страх, неуверенность, гнев или печаль и т.д.), как конфликт смыслов должна быть репрезентирована посредством повествования.

Травму переживает большинство персонажей Стефановского. Личная, массовая и/или коллективная травма оказывает существенное влияние на внутренний мир персонажей, их действия и отношения. В то же время в повествовании Стефановского постоянно присутствует проблема идентичности. В докладе анализируются пьесы «Дикое мясо» и «Отель „Европа“», а также другие драматические произведения, эссе, интервью Стефановского, позволяющие сделать вывод о сложности и многогранности соотношения травмы и идентичности, и исследовать позицию писателя по отношению к жителю Европы, Балкан, Македонии.

М. Рудковская (Варшава, Институт литературных исследований ПАН)

Невыносимая вязкость карты. Несколько эпизодов из истории польской литературы

Польская литература XIX и XX вв., разрываясь между внутренним и эмигрантским, борясь с проблемами, порожденными историческими и политическими потрясениями, функционировала в системе меняющихся координат центра и периферии. Приводя примеры произведений польских писателей периода, начиная с эмиграции после 1863 года

---

¹ *Eyerman R. Memory, Trauma, and Identity. Palgrave Macmillan, 2019. P.41.*

и до эмиграции после марта 1968 г., автор сосредотачивает внимание на воплощенном в литературе опыте отчуждения и непринадлежности ни к кругу национальных, ни к кругу эмигрантских проблем. Пользуясь вдохновляющей геоэтической перспективой, докладчик анализирует взаимодействие между литературными произведениями и местами подвижной карты Европы. Также ставится вопрос о влиянии (не)укоренения на область конструируемого литературой опыта идентификации.

Е.В. Сагалович (Москва, Институт славяноведения РАН)

Данило Киш: география и биография (к проблеме самоидентификации и восприятия другими)

«Количество истории, или ужаса, которое пришлось вынести пишущему, еще не делает его или ее книги большой литературой. Но география — это судьба. Киш не мог уклониться от высокой роли и чувства ответственности писателя, которые он, в данном случае буквально, получил вместе с территорией проживания», — пишет Сьюзен Зонтаг в предисловии к нью-йоркскому изданию 1995 г. сборника эссе Д. Киша (1935–1989).

Родившийся на границе Королевства Югославия и Венгрии (г. Суботица), потерявший в Аушвице отца и почти всех его родных; до двенадцати лет живший в Венгрии, затем в Черногории, у родственников матери; блестяще окончивший Белградский университет, работавший в университетах Страсбурга, Бордо и Лилля, Данило Киш завершил свой жизненный путь в Париже, оставаясь крупнейшим сербским и югославским писателем последней трети XX века.

В докладе рассматриваются вопросы самоидентификации писателя и его восприятие современниками и младшими братьями по перу (С. Зонтаг, А. Дебеляком, К. Варгой, А. Стасюком, З. Джеричем, Л. Блашковичем), как из ближнего, так и дальнего географического окружения.

Н.Н. Старикова (Москва, Институт славяноведения РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова)

Национальное мировосприятие и литературное разноязычие: словенская модель

В докладе в социокультурном контексте будет рассмотрен феномен разноязычия, живо представленный в современной литературной практике Словении. Его появление обусловили как историко-политические предпосылки (перенос границ и образование словенских диаспор в Италии и Австрии, распад СФРЮ и интенсификация миграций на

постюгославском пространстве), так и собственно литературные (Ф. Прешерн, как известно, писал и публиковался на двух языках). Сегодня полноценное присутствие в словенском литературном пространстве авторов, затрагивающих национальную проблематику, но пишущих на иностранных языках (М. Хадерлап, Э. Джонсон-Дебеляк), а также прибегающих к дву-и/или-многоязычию (Й. Ости, Г. Войнович, М. Кошута, В. Вертлиб, Н. Грбич, И. Тавчар, Я. Освальд, Я. Ферк, Ф. Хафнер), – убедительное свидетельство того, как после двух столетий тотального доминирования родной язык перестает быть главным критерием принадлежности произведения к конкретной литературе, как языковое «мировидение» в условиях глобализации начинает в меньшей степени влиять на вербализацию национальных стереотипов. Очень нагляден здесь пример Хадерлап: ее написанный по-немецки роман «Ангел забвения» (2011) о судьбах словенцев-антифашистов в Австрийской Каринтии включен в список книг для подготовки выпускного школьного экзамена по словенской литературе. Подход к литературным произведениям в словенском обществе меняется, как и мнение о том, кто имеет право называться словенским писателем. В целом это отражает одну из актуальных тенденций литературного развития Европы: на смену «монолингвальной парадигме» приходит установка на гетероглоссию как результативный способ борьбы с художественным застоєм.

М. Трошиньский (Варшава, Институт литературных исследований ПАН)

Мифический Кавказ и его место на карте польского романтизма

Романтизм был первой эпохой бездомности польской литературы. Она создавалась в эмиграции, в условиях разделов – в культурном контексте, выраженном на чужом языке. Независимо от исторических оценок потери независимости, она обращалась к легендарным истокам времени формирования этноса, его отличительных черт. В первой половине XIX в. возникла волна интереса к сарматской культуре, истоки которой литераторы усматривали на Кавказе. В творчестве Адама Мицкевича, а также Юлиуша Словацкого миф о Кавказе стал стержнем поэтических и квазиисторических размышлений об истоках польской истории.

А.В. Усачева (Москва, Институт славяноведения РАН)

Смех как часть румынской картины мира: преемственность комического в драматургии Матея Вишнека

Писатель Александру А. Филиппиде в эссе, озаглавленном «Румынский юмор», сказал: «Румын с удовольствием смеется как в благоприятных, так и в критических

ситуациях. «A face haz de pesaz» [дословно – «превратить неприятность в забаву» или «повеселиться с досады». – А.У.] – очень характерная для такого мировоззрения поговорка». В докладе речь пойдет о драматургии Матея Вишнека (р. 1956), родившегося и начавшего писать в Румынии. Будут рассмотрены специфические черты румынского комизма, а также преемственность творчества упомянутого автора, испытавшем на себе влияние великого предшественника Й.Л. Караджале, румынского модернизма первой трети XX в. с его поэтикой абсурда (Урмуз, Дж. Чиприан) и театра абсурда в лице Э. Ионеско.

Н.М. Филатова (Москва, Институт славяноведения РАН)

От Наполеона к Александру I: смена политической парадигмы в отражении польской поэзии 1813-1815 гг.

Эпоха окончания наполеоновских войн характеризовалась кардинальной трансформацией европейской политической парадигмы, связанной в том числе с обретением Россией ведущей роли в расстановке сил на международной арене. Смена политических, мировоззренческих ориентиров затронула и польское общество, поскольку планы Александра I, связанные с переустройством Европы на либеральных основах и созданием прочного мира и порядка на континенте, включали в себя и восстановление исторической справедливости по отношению к Польше, а именно создание польского государства под эгидой России. Объектом исследования в докладе станет польская поэзия 1813–1815 гг. (преимущественно окказиональная), посвященная переходу Польши под скипетр Александра I. Мы рассматриваем ее как нечто гораздо большее, чем простое проявление конформизма. Ее ключевые мотивы и клише отражают подлинную атмосферу тех лет, набор преобладающих идей, настроений и ожиданий, связанных с эпохой глобальных исторических перемен.

Т.И. Чепелевская (Москва, Институт славяноведения РАН)

Тема эмиграции и особенности ее художественного воплощения как модели судьбы человека и народа (на материале прозы И. Цанкара)

Тема эмиграции, которая на рубеже XIX–XX вв. обрела в словенских землях массовый характер, стала для И. Цанкара (1876–1918) одной из доминирующих тем, отражающих его концепцию исторического времени и исторического пути его народа (наряду с темой крестьянских восстаний XV–XVI вв. и темой Первой мировой войны). При этом здесь писатель погружается в прошлое «на дистанцию самого непосредственного ощущения исторического материала», на расстояние, как пишет исследователь,

«исторической “быстрой памяти”» (А.В. Михайлов), осознавая значимость происходящего для будущего словенцев. В докладе предполагается представить разные формы художественного воплощения темы эмиграции в прозаических произведениях словенского писателя начала XX в. как отражение процесса формирования национальной картины мира и модели судьбы человека и народа в его творчестве.

Е.В. Шатъко (Москва, Институт славяноведения РАН)

Образ мира в творчестве Милорада Павича

В поэтике М. Павича находят отражение регионально обусловленные балканская и сербская картины мира, исторически (и культурологически) обусловленная византийская, проявляясь то более, то менее выражено. Одних персонажей автор заставляет существовать внутри научной картины мира, других – внутри мифологической или религиозной, и в столкновении (или смешении) различных мировоззрений возникают новые трактовки привычных явлений, образов, обычаев. В докладе будет представлен анализ определенных мотивов, позволяющих говорить о проявлении элементов, свойственных той или иной картине мира в тексте нарратора или персонажа на материале романов «Хазарский словарь» и «Внутренняя сторона ветра» и некоторых рассказов.

А.Г. Шешкен (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН)

Македония в художественном мире Блаже Конеского

Лирика великого поэта Македонии Блаже Конеского (1921–1993) – отражает национальное мировосприятие в разных ракурсах: язык как важнейший элемент нации и национального самосознания (это один из постоянных мотивов творчества), народные традиции и фольклор (ряд программных стихотворений), восприятие мира природы (устойчивый мотив), истории, национального характера и образа жизни (эти мотивы усилились в зрелом творчестве). Запечатленные в художественном слове крупных македонских писателей, данные элементы создают и передают уникальную и самобытную картину мира народа.

Л.Ф. Широкова (Москва, Институт славяноведения РАН)

Концепт границы в словацкой прозе конца XX–XXI в.: конкретные реалии, многозначные образы

В словацкой прозе после 1989 г. мы видим разные значения и смыслы понятия «граница». Речь идет в данном случае о географической границе, границе между Востоком и Западом, и о ее художественном осмыслении в гуманитарных аспектах.

В романе Р. Слободы «Кровь» (1991) и в его эссе «Дума пограничная» (1990) граница (с Австрией, с западным миром, открытая после «нежной революции») представлена наиболее аутентично, по свежим впечатлениям свидетеля-автора, прожившего всю жизнь в приграничном районе, у р. Моравы, в Девинской Новой Веси. Смыслы границы и «заграницы» у него не только политические (возможность перемещаться, приезд сестры и племянницы из США), но и нравственные (сцены с пограничниками), и даже эстетические (вид ярко-зеленых полей Австрии).

Многообразие границ и их значений в романах П. Ранкова «Это случилось 1-го сентября или когда-то еще» (2008), «Матери» (2014), «Легенда о языке» (2018) – где это и граница дозволенного, и граница как ложь в деле о гибели героя последнего романа, Томаша, и одновременно – как иллюзорная надежда его родителей, рубеж в жизни героини романа Тани (жизнь/безумие) в двух временных пластах повествования.

Тема границы присутствует и в других романах об эмиграции (В. Климачек «Горячее лето 68» и др.), где авторы делают упор на документальность повествования, ссылаясь на свидетельства и письма прототипов и пр.

Е.А. Яблоков (Москва, Институт славяноведения РАН)

Между Живаго и Чиполлино. Славянская тема в романе П. Д. Боборыкина «Доктор Цыбулька»

Как известно, «славянский вопрос» являлся одной из важнейших идеологем российской геополитики и послужил существенным фактором русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (стоит отметить, что в 2022 г. исполнится 145 лет со дня ее начала). Этой войне посвящено множество работ; однако в поле зрения исследователей, в том числе литературоведов, оказывались преимущественно произведения «панславистской» направленности – выражавшие в той или иной форме поддержку славянского дела. Их авторы призывали русских проявлять солидарность, самоотверженность и героизм, спасти «братушек», изнывающих под турецким (в некоторых случаях – австрийским) игом, а в конечном счете вооруженным путем обеспечить единство славянского мира, водрузив российский (общеславянский) флаг над «возвращенным» Константинополем-Царьградом.

Между тем в российской художественной культуре существовала и противоположная тенденция – представлявшие ее авторы занимали скептическую позицию

в «славянском вопросе», негативно относились к «панславистской» пропаганде, подчеркивали вульгарную неадекватность «народного» отношения к славянской проблематике, акцентировали поверхностность и легковесность экзальтированного «патриотизма». Одним из подобных произведений является роман П.Д. Боборыкина «Доктор Цыбулька» (1874), не переиздававшийся почти полтора века и практически неизвестный сегодня не только читателям, но и литературоведам. Он не отличается большими художественными достоинствами, но довольно своеобразен по сюжету и позволяет под новым углом зрения взглянуть на отношение к «славянскому вопросу» в российском обществе.

Основная задача доклада – дать общее представление о романе Боборыкина, охарактеризовав его проблематику и основных персонажей.